

Су Яньчжи, услышав столь ошеломляющую новость, разумеется, нуждался в том, чтобы переварить её и усвоить. Затем он произнёс:

— Ван, ваше здоровье ещё не до конца поправилось. Лучше сначала вернитесь и отдохните. Пусть на этом слова и завершатся. Если случится беда, боюсь, никто не сможет совладать с последствиями.

С чего бы это? Что за речи! Ни то ни сё. Я топнул ногой о камень:

— Молодой господин Су, ты вообще понял, о чём речь? Говори со мной прямо. Если не понимаешь, я тебе ещё раз растолкую.

Су Яньчжи вдруг помрачнел и принял серьёзный вид:

— Если уж зашла речь об этом, в моих родных краях в Хуэйчжоу мне довелось слышать об одном случае возвращения души в остывшее тело. Это случилось с дочерью одного влиятельного местного семейства. Она умерла два дня назад, а потом вдруг ожила и заявила, что является наложницей некоего человека, забитой до смерти палками. Её срок земной жизни ещё не вышел, и она вернулась, чтобы возродиться. Но те люди решили, что раз оболочка принадлежит их собственной дочери, нельзя позволять презренному человеку осквернять её благородство. Тогда золотой фольгой залепили женщине рот и нос, заколотили в гроб как мертвецу и похоронили.

Су Яньчжи говорил об этом так легко и непринуждённо, а я слушал с замиранием сердца. Смерти от топора я не боялся, но если на нос наклеить бумагу и заколотить заживо в гроб в удушающей темноте — мучения от этого вряд ли сильно уступали бы казни через тысячу разрезов.

Су Яньчжи продолжил:

— Вчера Яньчжи слышал, что ван отныне вознамерился творить добро. Стоит помнить, что первый шаг к добродетели — это осмотрительность в речах и благопристойность в поступках. Ван одарён небесным благородством, и все его слова и поступки у всех на виду, тем более нельзя допускать ни малейшей оплошности.

Будь я хоть круглым дураком, и то понял бы, на что намекает этот сукин сын. У умников свои изъяны: в разговор слова вставят, словно утиное яйцо, а язык закрутят витиевато.

Су Яньчжи продолжил:

— Если в будущем ван действительно встанет на путь исправления и решит творить добро, и если понадобится какая-то помощь от Яньчжи, стоит лишь отдать приказ в Восточном дворе, и Яньчжи непременно...

Я почесал в ухе:

— Послушай, молодой господин Су, не проще ли тебе прямо сказать, что ты согласен помочь мне? К чему эти кругали, не устал ещё?

Су Яньчжи посмотрел на меня.

Я подошёл к молодому господину Су и слегка улыбнулся:

— Не бойся, я не глупец. Всю правду я говорю только умным людям, и уж точно никто третий об этом не узнает. Твой брат здесь — величайший добряк. Со временем ты сам в этом убедишься. Впредь мы друзья, и если что-то понадобится, о чём меня, Ма Сяодуна, можно попросить, обращайся без стеснения. И не нужно выражаться так церемонно, от этого у меня аж в ушах вянет.

Молодой господин Су горько усмехнулся:

— Молодой господин поистине скор на слово и прямолинеен.

Я ужасно обрадовался:

— Больше всего я люблю, когда меня называют прямолинейным! Когда никого нет, зови меня просто Сяодун, а я буду звать тебя Яньчжи, идёт? Ну а на людях, разумеется, нужно держать фасон.

Я сделал суровое лицо и одёрнул одежду:

— Яньчжи, согласен ли ты со словами нашего вана?

Лицо Су Яньчжи наконец задергалось в судороге:

— Что ж... покорность лучше изъясления чувств.

Дело сделано! Я протянул руку, желая похлопать Су Яньчжи по плечу — Су Яньчжи был со мной примерно одного роста, так что хлопать было невероятно удобно. Но Су Яньчжи вдруг отступил на шаг назад. Моя рука зависла в воздухе, и тут меня внезапно осенило: этот сукин сын — наложник Младшего вана, ещё подумает, что я тоже к нему неравнодушен. По спине пробежал холодок неловкости, я неловко хмыкнул и втянул руку обратно:

— Кстати, не подскажешь, как отсюда вернуться?

Су Яньчжи повёл меня тропинкой к крытой галерее, и уже через несколько минут мы вернулись во главный двор. Сяо Шунь вместе с несколькими слугами присел на корточки под карнизом дома, о чём-то шепчась и изредка двусмысленно хихикая. Увидев, что мы с Су Яньчжи идём вместе, они страшно удивились. Сяо Шунь был сообразительным, подскочил первым, подбежал ко мне, вытянулся по струнке с опущенными руками и почтительно прокричал:

— Ван, молодой господин Су!

И его бегающие глазки так и заскользили туда-сюда между мной и Су Яньчжи.

От такого взгляда мне стало не по себе. Су Яньчжи произнёс:

— Ван, если больше нет никаких дел, Яньчжи откланяется. Прошу вас хорошенько отдохнуть.

Взмахнув рукавами, он бросил меня и был таков.

Сяо Шунь последовал за мной в гостиную, услужливо поднёс мне чашку чаю и, набравшись воровской смелости, подступился ко мне и понизил голос:

— Разве ван был не в Южном дворе, как вы оказались в Восточном?..

Я небрежно бросил:

— А, выйдя из Южного двора, было ещё рано. Я вспомнил, что последние дни не видел Яньчжи, вот и заглянул по пути проведать. Да только заболтался и потерял счёт времени, застряв там до самого вечера.

Сяо Шунь с восхищением посмотрел на меня, и его глаза засияли:

— У вана неиссякаемый дух дракона и коня, я просто преклоняюсь!

Я как раз неторопливо потягивал чай, как вдруг до меня дошёл смысл сказанного. Глоток чая застрял у меня в горле, обе руки задрожали, и чай фонтаном брызнул прямо на Сяо Шуня.

<http://bllate.org/book/25021/2958965>